

Г. Александровский

**О романе Гете "Страдания молодого
Вертера."**

**Начало мировой скорби в германской литературе
XVIII в.**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г. Александровский**
О романе Гете "Страдания молодого Вертера.": Начало мировой скорби в германской литературе XVIII в. / Г. Александровский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 50 с.

ISBN 978-5-518-02653-7

ISBN 978-5-518-02653-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

шлое время, такъ какъ борьба со всякимъ зломъ, а тѣмъ болѣе нравственнымъ, требуетъ прежде всего полнаго изученія его. Однимъ изъ настроеній частной и общественной мысли, очень близкимъ къ пессимизму и служащимъ первою ступенью къ нему, является такъ называемая міровая скорбь (Weltschmerz). Разница между пессимизмомъ и міровою скорбью заключается въ томъ, что послѣдняя есть только какъ-бы мрачное настроеніе, при которомъ по временамъ пробуждается и вѣра въ лучшее будущее, между тѣмъ какъ пессимизмъ есть болѣе или менѣе сознательное философское убѣжденіе въ ничтожествѣ человѣка во всѣхъ отношеніяхъ, въ невозможности вести какую-либо борьбу со зломъ. Міровая скорбь, можно сказать, является какъ-бы первымъ признакомъ, началомъ мрачнаго міровоззрѣнія. Такъ какъ міровая скорбь тѣсно связана съ пессимизмомъ и, ставши удѣломъ, главнымъ образомъ, поэзіи, подготавливаетъ почву этому послѣднему, то ясно, что вопросъ о міровой скорби въ такой-же степени является важнымъ, какъ и вопросъ о пессимизмѣ. Представители міровой скорби въ поэзіи встрѣчаются не рѣдко. Укажемъ хотя бы на Байрона, Гейне, Николая Ленау, Фруга, Минскаго и Надсона, который еще такъ недавно былъ и, пожалуй, теперь остается кумиромъ части современной молодежи, что прямо указываетъ на то, какъ близко ея сердцу исповѣдуемое имъ міровоззрѣніе. Чтобы не быть голословными, приведемъ слѣдующее его стихотвореніе.

..... И крики оргіи, и гимны ликованья
Въ сіяньи праздничномъ торжественныхъ огней,
А рядомъ—жгучій стонъ мятежнаго страданья..
Разнузданный развратъ, увѣнчанный цвѣтами—
И трудъ поруганный.... Смѣющийся глупецъ—
И плачущій въ тиши незримыми слезами,
Затерянный въ толпѣ, непонятый мудрецъ!..
И это значитъ жить?.. И это перлъ творенья,
Разумный человѣкъ?... Но въ пошлой суетнѣ
И въ пестрой смѣнѣ лицъ—ни мысли, ни значенья,
Какъ въ лихорадочномъ и безобразномъ снѣ.....
Но эта жизнь томить, какъ склепъ томить живого,
Какъ роковой недугъ, гнетущій умъ и грудь,
Въ часы бессонницы томить и жжетъ больного—
И некуда бѣжать.... и некогда вздохнуть!

Или вотъ его взглядъ на жизнь:

Бѣдна, какъ нищяя, и какъ рабыня лжива,
Въ лохмотья яркія пестро наряжена—
Жизнь только издали нарядна и красива,
И только издали влечетъ къ себѣ она.
Но чуть взглядишься ты, чуть встанетъ передъ тобою
Она лицомъ къ лицу—и ты поймешь обманъ
Ея величія подъ ветхой мишурою
И красоты ея—подъ маскою румянъ.

Въ приведенныхъ строкахъ, принадлежащихъ одному изъ поетовъ міровой скорби, звучатъ уже чисто пессимистическія ноты, и это указываетъ, какъ міровая скорь близка къ пессимизму. Едва-ли кто станетъ утверждать, что міровая скорь является желаннымъ настроеніемъ поэзіи и жизни. Наоборотъ, всѣ, вѣроятно, согласны съ тѣмъ, что нѣтъ ничего, столь парализующаго человѣческую дѣятельность, какъ сознаніе бесполезности ея, и это сознаніе самымъ удручающимъ образомъ дѣйствуетъ на человѣка, заставляетъ его совершенно опускать руки и быть „къ добру и злу постыдно равнодушнымъ“. Если міровая скорь приводитъ къ такимъ послѣдствіямъ, то ее нельзя игнорировать, а необходимо ревностно бороться съ нею. Но только изучивъ исторически міровую скорь, только уяснивъ себѣ во всѣхъ подробностяхъ ея происхожденіе и проявленіе, мы можемъ выступить на самую борьбу съ нею, не рискуя понести полного пораженія. Историческое знакомство съ проявленіемъ міровой скорби тѣмъ болѣе любопытно, что нынѣшняя міровая скорь и міровая скорь прошлаго времени, въ общемъ, весьма схожи, и уяснивъ себѣ характерныя ея черты и смыслъ хотя-бы въ третьей четверти прошлаго вѣка въ Германіи, мы тѣмъ самымъ подвинемся въ изученіи и современнаго пессимистическаго міровоззрѣнія.

Все выше сказанное поможетъ, мнѣ кажется, объяснить, почему я выбралъ предметомъ своей статьи романъ Гете: „Страданія молодого Вертера“, являющійся лучшимъ выразителемъ „эпохи бурныхъ стремленій“. Съ этой эпохой связано возникновеніе въ нѣмецкой поэзіи новаго настроенія, которое принято называть міровою скорбью. Кромѣ того, лучший выразитель настроенія этой эпохи, названный выше романъ Гете, своимъ огромнымъ, даже въ наши дни поразительнымъ литературнымъ успѣхомъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, сослужилъ немалую службу дѣлу распространенія пессимистическаго міровоззрѣнія среди образованныхъ читателей. Но не только въ этомъ заключается интересъ болѣе близкаго знакомства со „Стра-

данія молодого Вертера“. Съ изученіемъ этого романа связано много любопытныхъ для всякаго образованнаго человѣка вопросовъ. Прежде всего, онъ принадлежитъ перу такого гениальнаго поэтическаго таланта, какъ Гете, и всѣми критиками единогласно признается однимъ изъ лучшихъ его произведеній. Въ высшей степени интересно прослѣдить исторію созданія подобнаго художественнаго произведенія, такъ какъ это можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на вообще темный вопросъ о процессѣ поэтическаго творчества. Тутъ же мы ясно можемъ увидѣть, какъ порою бываетъ сильно взаимодействие между поэтомъ и окружающимъ его обществомъ, и какъ велико вліяніе на общество художественныхъ произведеній. Не менѣе любопытно прослѣдить отношеніе общества второй половины прошлаго столѣтія къ названному роману. Мы увидимъ здѣсь, какъ часто произведенія гениальныхъ авторовъ бываютъ совершенно непонятными ихъ современниками. Наконецъ, любопытно выяснить и тѣ достоинства „Страданій молодого Вертера“, благодаря которымъ этотъ романъ занялъ видное мѣсто во всемірной литературѣ. Я не считаю нужнымъ обходить молчаніемъ всѣ эти вопросы, связанные съ изученіемъ занимающаго насъ романа Гете, и въ дальнѣйшемъ изложеніи буду останавливаться на нихъ.

I.

XVIII-й вѣкъ въ жизни западно-европейскихъ народовъ ознаменованъ великою культурною и политическою борьбою во имя братства, равенства и свободы, охватившей почти всѣ западно-европейскія государства. Но прежде чѣмъ эта борьба проявилась открыто, съ оружіемъ въ рукахъ за баррикадами, она въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій велась при помощи другого, болѣе благороднаго оружія, при помощи горячаго, убѣдительнаго слова, съ отчаянной смѣлостью направляемаго противъ всего того, что оскорбляло человѣческій разумъ и достоинство, что препятствовало проявленію разумной свободы личности и подавляло ее. Наболѣе ярко и рельефно проявилось это движеніе въ формѣ безкровной революціи у французовъ и англичанъ, этихъ передовыхъ европейскихъ націй, и отъ нихъ, точно круги на водѣ отъ брошеннаго камня, распространилось по другимъ народамъ и государствамъ, сказываясь у каждаго изъ нихъ, сообразно національному характеру и условіямъ исторической жизни, въ той или иной формѣ.

Однимъ изъ отголосковъ англо-французскаго освободительнаго движенія должно быть признано литературно-общественное движеніе въ Германіи въ теченіе первыхъ двухъ-трехъ десятилѣтій второй половины прошлаго вѣка. Это движеніе ознаменовалось совершенно особеннымъ, невѣдомымъ дотолѣ среди нѣмцевъ направленіемъ, охватившимъ почти все молодое поколѣніе Германіи, оправившейся отъ послѣдствій Тридцатилѣтней войны. Эпоха эта болѣе всего извѣстна, какъ пора горячаго, необузданнаго протеста противъ господствующихъ порядковъ. Молодые представители этого движенія, а въ немъ участвовала только молодежь, называли себя бурными геніями, титанами, потому что они, подобно послѣднимъ, стремились къ ниспроверженію всего существующаго строя жизни. Определенныхъ, ясныхъ убѣжденій у нихъ не было: то они глубоко ре-

лигіозны, то скептики въ высшей степени, то оптимисты, то пессимисты, то грубо циничны, то сантиментальны. Одна только общая черта замѣчается у этихъ молодыхъ титановъ: полное отвращеніе ко всему рутинному въ жизни и стремленіе найти новыя, болѣе разумныя начала для своего существованія. Этотъ періодъ былъ настолько новъ и необычаенъ для самихъ нѣмцевъ, что они подыскали для него оригинальное, кажется, единственное въ своемъ родѣ названіе, которое немедленно привилось къ нему. Они назвали его «періодомъ бури и натиска», *Sturm und Drang Periode*, позаимствовавъ этотъ эпитетъ у одного изъ представителей эпохи, озаглавившаго такъ свою драму. Нѣкоторые зародыши «бурныхъ стремленій» въ области литературы можно подмѣтить съ 40-хъ годовъ прошлаго вѣка въ литературныхъ кружкахъ, группировавшихся около Глейма, Геллерта, Клопштока и нѣк. другихъ. Въ жизни этихъ кружковъ рѣзко бросается въ глаза необычайная на нашъ взглядъ чувствительность и порыванія къ индивидуализму. Яснѣе выступаютъ идеи *Sturm und Drang Period*'а въ сочиненіяхъ Гаманна, явившагося, по выраженію нѣкоторыхъ, какъ-бы отцомъ «періода бурныхъ стремленій». Въ его *Sokratische Denkwürdigkeiten* восхваляется высшая степень индивидуальности—геніальность, которой позволительно нарушать установившіяся правила и традиціи, и глубокая, сердечная вѣра, не смущаемая контролемъ разсудка ¹⁾. Но преимущественно сказывается въ эпохѣ *Sturm und Drang* влияние Руссо. Все молодое мыслящее поколѣніе того времени въ Германіи, почти всѣ таланты воспитывались на теоріяхъ «величайшаго философскаго поэта», какъ называлъ Руссо Шиллеръ.

Самыми популярными сочиненіями Руссо въ это время въ Германіи были „Эмиль“ и „Новая Элоиза“. Авторъ драмы *Sturm und Drang* (Клинггеръ) такъ писалъ относительно „Эмиля“ Руссо: „это первая книга нашего столѣтія, первая книга новаго времени. Юноша, у котораго нѣтъ руководителя, пусть выбираетъ себѣ Руссо. Онъ невидимымъ проведетъ его черезъ лабиринтъ жизни, дастъ ему силы выдержать борьбу съ людьми и съ судьбою. Его сочиненія написаны подъ внушеніемъ чистѣйшей добродѣтели и истины. Они заключаютъ въ себѣ новое откровеніе природы, дающей по временамъ понять своимъ любимцамъ священнѣйшія тайны, о которыхъ,

¹⁾ См. *Deutsche Nationallitteratur*, изд. Kürschner'a т. 79 с. 9—12.

казалось, люди совсѣмъ не подозрѣвали¹⁾. Поэтъ Ленцъ, другой представитель «періода бури и натиска», писалъ о „Новой Элоизѣ“, что это наилучшая книга, какая только была когда-нибудь напечатана на французскомъ языкѣ. Молодой Гете въ Вецларскій періодъ своей жизни, по словамъ одного изъ современниковъ, также очень уважалъ Руссо.—Кромѣ воздѣйствія идей, выдвинутыхъ въ XVIII в. Руссо, въ Sturm und Drang Period'ѣ должно быть отмѣчено также вліяніе англійской литературы въ произведеніяхъ Оссіана, Юнга, Стерна, Попа, Ричардсона и Шекспира²⁾. Произведенія названныхъ писателей, на ряду съ Руссо, внесли въ нѣмецкую литературу и жизнь сентиментализмъ и пессимистическія нотки и поддерживали протестъ противъ установившихся, отжившихъ свой вѣкъ взглядовъ на человѣческую личность и общественную жизнь. Увлеченіе идеями „женевского апостола печали“ не могло не вызвать у нѣмецкой молодежи третьей четверти прошлаго столѣтія преклоненія передъ матерью природой и стремленія жить по ея законамъ. *Süsse, heilige Natur, lass mir gehn auf deine Spur! Leite mich an deiner Hand, wie ein Kind am Gängelband!*³⁾ восклицаетъ одинъ изъ Штольберговъ, выражая общее настроеніе друзей. Въ этомъ преклоненіи передъ безыскусственной природой и въ желаніи сообразовать свою жизнь съ ея законами заключаются главные характерныя черты Sturm und Drang Period'a; всѣ остальные могутъ быть, за нѣкоторыми немногими исключеніями, сведены къ этимъ основнымъ, проходящимъ красной нитью черезъ всю эпоху. Страсть къ путешествіямъ ради самихъ путешествій, частыя про-

1) Schmid. Lenz und Klinger s. 111.

2) Такъ, Ленцъ занимался переводомъ на нѣмецкій языкъ „Essay on criticism“ Попа, составлялъ планъ объясненія Шекспира и кое-что перевелъ изъ него. Юный Гете тоже сильно увлекался Шекспиромъ и Оссіаномъ, и слѣды этого послѣдняго увлеченія сказались на его романѣ „Страданія молодого Вертера“. На драматическихъ произведеніяхъ бурныхъ гениевъ замѣтно вліяніе изученія Шекспира, какъ въ отношеніи внѣшней формы, такъ и содержанія. (Напр. „Гецъ“ Гете, „Домашній учитель“ Ленца, „Юлій Тарентскій“ Лейзавица и нѣкоторыя др.). Никто другой, какъ они создали у себя на родинѣ культъ великаго англійскаго драматурга и перенесли въ нѣмецкую литературу лучшіе приемы его творчества. Что касается до вліянія Стерна и Ричардсона, то оно болѣе всего сказалось въ чрезмѣрной чувствительности дѣятелей этой эпохи.

3) Deutsche Nationallit. т. 79 с. 30. Сравн. также стихъ Ленца „An die Sonne“ ib. т. 80 с. 248 и мн. др.

гулки въ горахъ, лѣсахъ и лугахъ, стремленіе къ уединенной деревенской жизни, созерцаніе голубого неба и наблюденіе за жизнью милліардовъ насѣкомыхъ, общеніе съ простолюдинами и дѣтьми ¹⁾ — все это было вызвано желаніемъ стать какъ можно ближе ко всему естественному и неподдѣльному. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ (Ла-Фэ) названной драмы Клингера такъ мечтаетъ о счастіи со своей возлюбленной: „Я сдѣлаюсь невиннымъ пастухомъ, мы приобрѣтемъ себѣ стадо; Вильдъ подаритъ намъ одну изъ своихъ собакъ и мы промечтаемъ такъ всю свою жизнь, будемъ жить всегда въ мирѣ и любви“. Тотъ-же Ла-Фэ увѣренъ, что на лонѣ природы, въ тѣни деревъ, у прохладнаго ручья, рука объ руку съ любимой женщиной, онъ забудетъ наконецъ мучившую его всю жизнь меланхолю ²⁾. „Ахъ, дайте мнѣ поле для моего княжества, журчащій ручей для моего ликующаго народа, плугъ для меня и мячъ для моихъ дѣтей!“ восклицаетъ Юлій, герой трагедіи „Юлій Тарентскій“, принадлежавшей перу Лейзевица, одного изъ бурныхъ геніевъ ³⁾. Ничто такъ не противно этимъ защитникамъ естественности, какъ догма, формальность. Самое слово „чиновникъ“, „сословіе“ вызываетъ въ ихъ отвращеніе. „Gelertenstand! Stand? Pfui!“ ⁴⁾ пишетъ I. Шлоссеръ, одинъ изъ представителей этого движенія. „Боже, сколько сословій!“ восклицаетъ онъ далѣе: „сословіе ученыхъ, юристовъ, проповѣдниковъ, писателей, поэтовъ—всюду сословія и нигдѣ людей“. Окружавшая житейская пошлость и ограниченность угнетала вообще бурныхъ геніевъ. „Когда я всматриваюсь въ узкій кругъ идей, въ который совершенно погружены дѣти Адама, въ ихъ пошлыя и вѣчно однообразныя занятія и въ ихъ радости, у меня дѣлается такъ тяжело на сердцѣ, что я проклинаю себя, что не родился крестьяниномъ“ ⁵⁾, пишетъ герой романа „Waldbruder“ Ленца, въ которомъ нужно видѣть самого автора.—Усердное, тщательное изученіе чего-либо, не имѣющаго прямого отноше-

1) Сравни. восхищеніе простолюдинами и ихъ жизнью у Руссо въ „Новой Элоизѣ“ въ 23-мъ письмѣ первой части.

2) Deutsche Nationallit. т. 79 с. 113 и 114. Точно такое-же отношеніе къ природѣ, какъ къ врачу наболѣвшей души, мы находимъ и у Руссо въ „Новой Элоизѣ“: „Я думаю“, говоритъ въ 23-мъ письмѣ первой части Сенъ-Пре, описавъ своей возлюбленной одну очаровательную мѣстность: „что никакое сильное душевное волненіе, никакая ипохондрія не можетъ устоять подъ вліяніемъ подобнаго мѣстопробыванія“.

3) Deut. Nationallit. т. 79 с. 740.

4) Deutsche Nationallit. т. 80 с. 130.

5) Ibidem с. 117.

нія къ безыскусственной природѣ, не привлекало представителей этого новаго теченія нѣмецкой жизни и литературы, такъ какъ оно могло помѣшать ихъ стремленію къ естественности. Всякая сухая научная или философская, система возбуждаетъ въ нихъ только отвращеніе, „самый лучший способъ стать дуракомъ— это приняться строить системы“¹⁾, заявляетъ Клингеръ устами одного изъ своихъ героевъ въ *das leidende Weib*. „Человѣкъ долженъ мечтать, а не заблуждаться, не философствовать, если онъ хочетъ быть счастливымъ“, говоритъ Ла-Фэ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ, въ *Sturm und Drang*. Но не только указанная явленія вызвали протестъ бурныхъ геніевъ. Весь старый общественный строй подвергался самой строгой и негодующей критикѣ. Въ этомъ отношеніи „періодъ бури и натиска“ напоминаетъ близко знакомую намъ эпоху въ жизни русскаго общества, эпоху шестидесятыхъ годовъ, и если названное движеніе въ нѣмецкой жизни прошлаго вѣка носило болѣе литературно-индивидуалистическій характеръ, чѣмъ общественно-политическій, то все-же оно не обходимо молчаніемъ тѣхъ аномалій общественной жизни, которыя наиболѣе рѣзко бросались въ глаза. О родной Германіи Клингеръ такъ отзывается устами дьявола Левіафана, котораго главный бѣсъ посылаетъ за Фаустомъ. „О, нѣмцы—это чурбаны, которые рабски гнутъ спину передъ высокимъ положеніемъ и богатствомъ, передъ всѣми противоестественными раздѣленіями людей, которые вѣрятъ, что ихъ князья и высокопоставленные лица созданы изъ другого матеріала, чѣмъ они сами, которые считаютъ для себя лестнымъ умирать за нихъ и позволяютъ продавать себя для убійства къ другимъ князьямъ. Слыхалъ-ли ты тамъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій хоть одно слово о возстаніи противъ тирановъ? Они считаютъ себя свободными, потому что ихъ князья и епископы могутъ сдирать съ нихъ кожу, какъ имъ угодно“²⁾.

Вообще въ произведеніяхъ бурныхъ геніевъ проповѣдуется полная свобода каждой отдѣльной личности; идеаломъ считается человѣкъ, освободившійся отъ всякихъ правилъ, закона и авторитета,

1) Schmid. Lenz und Klinger s. 77.

2) Deutsche Nationallit. т. 79 с. 162—3. Приведенныя слова, какъ и многія другія мѣста изъ произведеній бурныхъ геніевъ, могутъ служить возраженіемъ, противъ мнѣнія, что „періодъ бурныхъ стремленій“ не затрагивалъ общественныхъ вопросовъ. См. напр. мнѣніе Шахова въ „Гете и его время“.

живущій своимъ собственнымъ умомъ, слѣдующій только велѣніямъ своего сердца, единственнаго законодателя. Доброе сердце ставится выше всего; къ нему на каждомъ шагу примѣняютъ эпитеты: *fühlende, empfindliche, schöne, zarte, reine, agme* и т. п.; ему предоставляется полная свобода, контроль разума совершенно устраняется; оно считается единственнымъ виновникомъ человѣческаго блага и несчастья. Отсюда дикія, необузданныя, съ нашей точки зрѣнія, выходки, какъ напримѣръ, пляска ночью вокругъ дуба, или желаніе быть натянутымъ на барабанъ, а не то и взлетѣть на воздухъ вмѣстѣ съ зарядомъ изъ пистолетнаго дула¹⁾. Теперь кажутся странными, непонятными, пожалуй, нелѣпыми подобныя дѣйствія и желанія, но не нужно забывать, что все это вносило въ нѣмецкую жизнь новый, освѣжающій элементъ, будило дремавшую мысль и сознаніе, призывало къ протесту и борьбѣ.—Къ 70-мъ годамъ прошлаго вѣка это движеніе достигло наибольшей силы и напряженія, увлекши за собою чуть ли не всю образованную молодежь того времени. Да здравствуетъ простота и свобода и да погибнетъ все, мѣшающее стремленію къ нимъ—стало лозунгомъ времени. Стремленіе къ простотѣ и естественности, къ непосредственному, искреннему чувству и безыскусственной природѣ, ожесточеніе противъ всего, что хоть сколько-нибудь мѣшало осуществленію этого стремленія достигли крайнихъ предѣловъ. Всякая формальность, условность, все, что напоминало правила и искусственность, возбуждало къ себѣ полное отвращеніе. Свобода мысли и чувства была возведена въ культъ, и за каждою отдѣльною личностью признавалось безграничное право выражать ихъ по-своему. Увлечение индивидуализмомъ вызвало культъ генія, въ которомъ въ высшей степени проявляется личная сила и самобытность. Чуть не каждый воображалъ себя гениемъ и на этомъ основаніи совершалъ самыя необыкновенныя, не рѣдко бессмысленныя поступки. „Быть бурнымъ и сантиментальнымъ, быть дикимъ и слезливымъ значило быть гениемъ. Все обыденное было скучно, и это обыденное ненавидѣлъ гений; онъ не хотѣлъ вести себя по правиламъ, не хотѣлъ даже правильно писать“²⁾.

Въ это-же время въ представителяхъ „періода бури и натиска“ особенно ярко сказывается, на ряду съ отмѣченными чертами, чрезмѣрная чувствительность, восторженность, экзальтированность и

1) Срав. реплику Вильда въ началѣ *Sturm und Drang* Клингера.

2) Льюисъ. Жизнь Гете.

міровая скорбь. Источникъ сантиментальности скрывался въ культѣ сердца, о которомъ мы уже говорили. Что касается до міровой скорби, то корни ея, кажется, нужно искать, помимо вліянія англійской литературы, въ идеяхъ Руссо, съ поразительной быстротой распространившихся въ то время въ Германіи „*Tout est bien sortant des mains de l'Auteur des chauses, tout dégenère entre les mains des hommes*“¹⁾—таковъ первый невеселый тезисъ ученія Руссо. Какъ ни стремились его горячіе поклонники въ прошломъ вѣкѣ въ Германіи слиться съ безыскусственной природой, они не могли не видѣть, что „людскія руки“ забрали себѣ слишкомъ много власти надъ міромъ и, въ частности, надъ ними самими, что очень и очень трудно выйти побѣдителями изъ борьбы съ исковерканнымъ человѣчествомъ. Такой разладъ идеала съ дѣйствительностью, при полномъ подчиненіи разсудка чувству, возбуждалъ малодушіе при первой неудачѣ и создавалъ изъ восторженныхъ поклонниковъ Руссо нытиковъ и людей съ мрачными взглядами на жизнь. Но если ученіе Руссо о несовершенствѣ человѣческой природы, извращенной имъ самимъ, вызывало пессимистическія мысли, оно въ то же время, въ иные моменты, не могло не наполнять самымъ полнымъ, глубокимъ восторгомъ сердца своихъ молодыхъ приверженцевъ въ средѣ германской молодежи третьей четверти 18-го столѣтія. Такой восторгъ имѣлъ всегда мѣсто, когда человѣкъ чувствовалъ, что онъ хоть на нѣсколько мгновеній освобождается отъ засасывающей его тины уничтожающихъ все лучшее въ мірѣ жизненныхъ условій, когда онъ сознавалъ себя истиннымъ сыномъ природы и общился съ этой всеобщей матерью.

Въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка въ Геттингенѣ образовался „Союзъ бардовъ“, къ которому принадлежали многіе даровитые писатели, какъ Фоссъ, оба графа Штольберга, Миллеръ и др. Сохранились любопытныя письма одного изъ членовъ этого кружка, отрывки изъ которыхъ въ достаточной степени обрисовываютъ настроеніе молодежи, увлеченной идеями „періода бури и натиска“. „Оба Миллера, Генъ, Гельти, Версъ и я“, сообщаетъ въ одномъ письмѣ Фоссъ: „отправились въ сосѣдную деревню. Вечеръ былъ превосходный, и луна свѣтила во всемъ блескѣ. Мы вполне предались наслажденію природой. Въ крестьянской избѣ мы напились мо-

¹⁾ Руссо. Начало „Эмиля“.